

ПРИРОЖДЕННАЯ РАСА РАБОВ

Елена Куклина,
российское политобъединение «Рабочий», Челябинск

Реферат

Война

В 1861 г., когда 12 южных штатов, в том числе незаконно аннексированные у Испании и Мексики (Флорида, Алабама, Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Невада, Юта, Колорадо, Техас), попытались выйти из состава Соединенных Штатов, началась война Севера и Юга.

Их тех штатов, которые не были аннексированы - Флорида, её продала ещё Испания в 1819 году, а Алабаму продали Франции, потом Франция - Англии, а Англия, естественно её потеряла, когда потеряла колонии. Хотя Испания удерживала Монтеррей до 1813 года.

Конфедеративные Штаты Америки были образованы 4 февраля 1861 года шестью южными штатами: Южная Каролина, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Миссисипи, затем присоединился Техас, затем Вирджиния, Арканзас, Теннесси и Северная Каролина. Штаты Кентукки и Миссури остались «пограничными штатами» в составе США, но какое-то время имели по два правительства, одно из которых поддерживало Союз, другое — Конфедерацию. Проконфедеративные правительства этих штатов включили подконтрольные им территории в состав Конфедерации, и это позволяет считать членами КША 13 штатов. Из территорий, не имевших прав штатов, прошение о вступлении в КША подали Аризона и Нью-Мексико. Американско-мексиканская война не была особенно популярна в штатах, как вы помните, Линкольн был противником этой войны, за что и поплатился не избранием в Конгресс. Противником был и Уиллис Грант, который назвал её "злонамеренной войной".

Хотя и мексиканская сторона восторгов не вызывает. Их знаменитый герой генерал Санта-Анна - просто образец предательства и идиотизма: он едет в Мехико, взяв на себя дипломатическую миссию урегулирования конфликта мирным путем, доехав до Мехико, предлагает себя в качестве командующего мексиканскими войсками, дойдя до района военных действий передумывает и поворачивает свои войска против своих же, потом снова становится патриотом, потом снова передумывает... И не он один такой. А так называемое правительство независимой Мексики? В 1845 году новый президент США Джеймс Полк отправил дипломата Джона Слайдела в Мехико с попыткой приобрести мексиканские территории Верхней Калифорнии и Новой Мексики. Полк уполномочил Слайдела простить Мексике 4.5 млн долларов долга, приписанного американским гражданам после Мексиканской войны за независимость, и заплатить сверх того от 25 до 30 млн долларов в обмен на эти две территории. Но миссия не удалась, Слайдела не принял президент, хотя и намечались встречи, но из-за правительственной чехарды ни одна не состоялась. В 1846 году президент страны менялся четыре раза, министр обороны — 6 раз, а министр финансов — шестнадцать раз. В результате американо-мексиканской войны были более обширные территориальные уступки Мексики, чем те, которых речь шла в начале, — земли современных штатов Калифорния, Нью-Мексико, Аризона, Невада и Юта.

На Юге - хлопок. После изобретения простого приспособления для очистки от семян производство стало весьма прибыльным, причем ориентированным на Англию, она была главным потребителем сырца. Кстати, в той самой Великой Британии всерьёз рассматривали вариант возвращения Юга под крыло метрополии, да и на самом Юге очень многие к этому склонялись. Получалось, что Юг в Севере экономически был меньше заинтересован, чем в Англии. А основа хлопка - рабы. Рабский рынок - после запрещения ввоза извне (конечно, обходили, в основном через Карибский бассейн) - стал преимущественно внутренним, и тоже внутри Юга... Отсюда и желание обособиться, отделиться. Тема расизма, конечно, имела место, даже доходило до того, что негров рассматривали, как созданных богом в числе животных, т.е. до создания белых Адама и Евы. Однако, основа всё равно экономическая. Север шёл на уступки, вспомним Миссурийский компромисс, сущность которого сводилась к тому, что рабовладельческие штаты не могли создаваться к северу от 36 градусов 30 минут северной широты. А южнее - пожалуйста. Самая подлая подлость была совершена Верховным судом - «дело Дреда Скотта», раба, который официально обратился в суд с иском об освобождении, поскольку он вместе с хозяином проживал некоторое время в свободном штате. Отклонив в 1857 г. его иск, Верховный суд одновременно объявил не конституционным любой закон, запрещавший рабство.

Но в целом расовая составляющая – вторична, экономическая – первична.

Юг – сельскохозяйственные штаты. Основные культуры – табак, пшеница, кукуруза, хлопок. Хлопок коротковолокнистый, т.к. для элитного длиноволокнистого хлопчатника климатические условия подходили в очень ограниченной территории Юга штатов. Коротковолокнистый хлопок выгоден в смысле урожайности, но очень трудоемок в обработке: процесс очистки волокнистой массы от семян чрезвычайно длителен и кропотлив. За день один человек с трудом очищал всего фунт хлопка – с такими количествами рассчитывать на большие прибыли не приходилось.

Два фактора:

1) стремительное развитие легкой (в основном текстильной) промышленности в Англии и на Северо-востоке штатов, резко возрастает потребность в сырье.

2) В 1793 году северянин Элай Уитни, в качестве учителя приехавший в Южную Каролину, изобрел принципиально новое приспособление для очистки линта (волокна хлопчатника) от семян. Его хлопкоочистительная машинка (или «джинн», как ее окрестили) позволяла одному рабочему за день обработать более 50 фунтов коротковолокнистого хлопка. Коротковолокнистый хлопчатник превратился в главную сельскохозяйственную культуру. На выращивание хлопка затрачивалось вдвое больше труда, чем на тот же объем кукурузы, и в четыре раза больше по сравнению с пшеницей. На хлопке надо было работать круглый год: готовить поле, сеять, ухаживать, пропалывать, прореживать, собирать урожай, очищать собранное и потом везти товар на рынок. Поскольку занятость работников варьировалась в течение года, хозяин мог использовать освободившихся рабов по своему усмотрению – на производстве продуктов питания, на стройке и проч. Таким образом, плантация превращалась в достаточно эффективное, экономически самостоятельное предприятие.

Разведение коротковолокнистого хлопчатника быстро распространилось с юго-восточного побережья в другие штаты – Алабаму, Миссисипи, Луизиану, Арканзас и Техас. За 1790–1820 годы производство хлопка (измеренное в стандартных тюках) выросло в 18 раз. В 1820–1840 годы оно увеличилось еще в 18 раз, достигнув в 1840 году 1,3 млн. тюков. А к 1860 году эта цифра почти утроилась, составив 3,8 млн. тюков.

Хлопок потеснил на рабовладельческих плантациях другие культуры, сделал плантаторские хозяйства рентабельными и в знак признания его заслуг перед рабовладельческим Югом был поименован "королем". "Король-хлопок" нанес сокрушительный удар по мечтам просветителей-демократов эпохи Американской революции о постепенном, но весьма скором, в силу, как им казалось, естественной причины – методично нарастающая убыточность! - отмирании рабства в Соединенных Штатах. Хлопок превратился в главный товар, который Америка вывозила за море. До 1810 года хлопок составлял менее 10 % всего американского экспорта; к 1820 году этот показатель поднялся до 33 %; к 1860 году составлял уже почти 60 %. Один товар, производимый в одном регионе, формировал экспортный сектор целой державы и, соответственно, определял ее торговый баланс, доступные кредиты и выплаты по импорту.

В 1858 году Джеймс Х. Хаммонд, сенатор от Южной Каролины, заявлял: «Если на нас пойдут войной, мы сможем поставить весь мир на колени, причем не сделав ни одного выстрела, не обнажив меча. Нет, вы не посмеете воевать с хлопком. Нет в мире такой силы, которая рискнула бы восстать против Его Величества Хлопка»

«Наша позиция полностью отождествляется с институтом рабства – величайшим имущественным интересом в мире. Труд рабов создает продукт, который является важнейшей частью торговли на Земле... Удар по рабовладению – это удар по торговле и самой цивилизации», – говорилось в декларации о сессии, принятой в штате Миссисипи 9 января 1861 года.

Текстильная промышленность развивается не только в Англии, но и в Северных штатах, которые становятся для Англии серьезным конкурентом. Однако, в 1860 году 25% южных семей, составлявших класс рабовладельцев, контролировали 90% всех активов Юга, его сельскохозяйственного богатства. Именно эти хозяйства предпочитают английских партнеров, к тому же закупают все необходимые товары там же, в Англии. Но на Юге своя промышленность практически не развивается и 75% свободного населения Юга нуждаются в товарах с Севера. Фабрики и заводы Севера были ориентированы на поточное производство больших партий недорогих унифицированных товаров, получивших название «доступных» и рассчитанных на самый широкий круг потребителей. Естественно, что о высоком качестве говорить не приходилось, но зато дешевизна и доступность. А Северу нужно сырье... но общенациональный рынок не формируется.

Беспрестанное возделывание хлопчатника истощало южные почвы, а получаемые прибыли подталкивали плантаторов к расширению засеянных площадей и покупке все новых рабов. Рабовладельческий Юг нуждался в новых территориях, очень кстати оказались аннексированные у Мексики территории. Следовательно, разворачивается борьба за то, чтобы эти территории стали рабовладельческими.

В 1860 году Юг производил 75% американского экспортного продукта. Рабы стоили больше, чем все производственные мануфактуры, предприятия и железные дороги в США. В 1860 году 4 млн. рабов стоили 34 млрд. долларов, и они приносили неплохие прибыли. Хозяин-рабовладелец мог рассчитывать на 10%-ю прибыль от своих рабов – больше, чем получали капиталисты-северяне со своих предприятий.

Руководимое демократической партией правительство поддерживало работоторговлю (хотя последняя официально была запрещена еще в 1808 г.). В 50-х в США ввозилось ежегодно около 25 000 рабов - это больше, чем до 1808 г.

В 1860 году в южных штатах проживали 12,25 млн. человек, из них 8 млн. белых, 250 тыс. свободных чернокожих и 4 млн. рабов. В 1790 году в Соединенных Штатах

проживали 700 тыс. рабов. К 1820 году это число более чем удвоилось и достигло 1,5 млн. человек. К 1840 году уже 2,5 млн. невольников трудились на американских плантациях, а к 1860 году их стало без малого 4 млн. Число рабовладельцев составляло примерно 400 тыс. человек, то есть всего лишь 5% белого населения. Вот точные цифры: лишь 12% всех рабовладельцев владели 20 и более рабов, и они составляли всего 0,5% белого населения Юга. На Юге рабовладение являлось источником богатства. Подсчитано, что средний рабовладелец был примерно в 10 раз богаче своего соседа не рабовладельца.

Накануне 1810 г. свободные чернокожие американцы составляли наиболее быстро растущую прослойку населения южных штатов. Некоторым из них удалось выкупить свободу за деньги, другие получили ее в признание военных заслуг. Были и такие, кто получил вольную от хозяев. После 1810 г., с развитием хлопкового земледелия и, соответственно, системы рабского труда, положение вещей коренным образом поменялось. Южные штаты максимально усложнили процедуру освобождения (или «отпускания на волю») рабов. Местные legislatures провели ужесточенный «Черный кодекс» – свод законов, регулирующий жизнь (в основном ограничивавший гражданские права) свободных негров. В конце 1850-х годов Арканзас даже предпринял попытку законодательным путем очистить территорию штата от этих «нежелательных граждан».

Рабовладельцам принадлежало от 50% до 85% мест в legislatures южных штатов, а также они имели солидное представительство в Конгрессе.

Историк Уильям Дж. Купер определил «особую политику» Юга: своим основным правом – так сказать, краеугольным камнем их свободы – плантаторы почитали право на порабощение черных. Если белые американцы оказывались лишенными права держать в рабстве чернокожих, если их лишали свободы выбора в этом «местном» вопросе, тогда они считали, что не свободны вовсе. Порабощение негров служило символом свободы белых. «... в любом обществе должен существовать класс людей, выполняющих черную, самую неблагодарную работу и лакейские обязанности... это своеобразный человеческий отстойник... и великое счастье для южан, что сама природа создала для них расу, великолепно подходящую для подобной цели». Джеймс Х. Хаммонд, сенатор от Южной Каролины.

В 1820 г. между промышленными северными штатами и рабовладельческими южными, как уже говорилось, был достигнут Миссурийский компромисс. Географическое ограничение рабства не устранило противоречий, а лишь отсрочило столкновение Севера и Юга. По сути, это была победа южан, которым удалось расширить границы рабства, а Север пошел им на уступки.

Рабовладельческая «элита» стремилась узаконить рабство во всей стране, лишив конгресс права отменять или разрешать его в каком-либо штате. Это мог сделать только Верховный суд США.

«Если Миссурийский компромисс 1820 г. расширил географические границы рабства в территориях, если билль Канзас-Небраска 1854 г. уничтожил всякую географическую границу и поставил на ее место политическую преграду - волю большинства колонистов, то Верховный суд Соединенных Штатов своим решением в 1857 г. уничтожил и эту политическую преграду, превратив все территории республики, настоящие и будущие, из рассадников свободных штатов в рассадники рабства.» (К. Маркс)

Присоединение аннексированных у Мексики земель вызвало новый политический кризис, временно улаженный компромиссом 1850 г. Калифорния,

где было найдено золото, принималась постановлением конгресса в качестве свободного штата, а поселенцам Нью-Мексико и Юты разрешалось самим определить вопрос о статусе. Рабовладельцы согласились на принятие в Союз Калифорнии в качестве свободного штата (то есть с запрещением в нем рабства), но в виде компенсации за это провели закон, обязывавший власти северных штатов задерживать беглых рабов и возвращать их хозяевам.

Там преобладали южане, объявившие их рабовладельческими. Через три года тот же вопрос возник относительно территорий Канзас и Небраска. Южане добились его решения «демократическим» путем и – на основе «суверенитета скваттеров», т. е. первых поселенцев. В Канзасе шла борьба между сторонниками и противниками рабства. Поток переселенцев из Миссури и других южных штатов столкнулся с еще более мощным потоком фермеров из свободных штатов, и дело дошло до вооруженных столкновений. В Канзасе началась гражданская война. Партизанские отряды под руководством Джона Брауна, Джеймса Монтгомери и других разгромили и обратили в бегство банды рабовладельцев. Прогрессивные силы всей страны оказывали моральную и материальную поддержку противникам рабства в Канзасе, в то время как правительственные войска систематически помогали рабовладельцам. К 1860 г. противникам рабства удалось одержать победу не только в схватках, но и у избирательных урн. Конфликт в Канзасе стал «генеральной репетицией» Гражданской войны. И, конечно, знаменитый «рейд» Джона Брауна в Вирджинии.

В 1856 году рабовладельцы добились избрания на пост президента своего ставленника - Бьюкенена.

На президентских выборах 1860 года республиканская партия выступала с требованиями ограничения территории рабства, принятия закона о гомстеде (бесплатном наделении поселенцев на Западе землями из государственного фонда), введения протекционистского тарифа. Ее программу поддерживали промышленники, фермеры, рабочие, городская мелкая буржуазия и интеллигенция. На пост президента был избран кандидат республиканцев, адвокат и публицист Авраам Линкольн. Для Демократической партии, в которой было очень сильно влияние рабовладельцев, это означало потерю власти в национальном масштабе. В декабре 1860 года о своем выходе из состава США объявил штат Южная Каролина. 24 декабря 1860 года в штате Южная Каролина прошло собрание (конвенция), посвященное возможной сецессии. Делегатами конвенции была принята декларация «О непосредственных причинах, побуждающих и оправдывающих отделение штата Южная Каролина от Федерального союза». В декларации говорилось «о растущей враждебности со стороны нерабовладельческих штатов по отношению к институту рабства», а также выражался протест в адрес северных штатов, поскольку они «не смогли сдержать свои конституционные обязательства», отказавшись возвращать беглых рабов. В феврале 1861 в Монтгомери (штата Алабама) была создана Конфедерация рабовладельческих штатов, в которую вошло 11 из 34 штатов США, избран президент - Джефферсон Дэвис. Южане начали формировать собственную армию, захватывая федеральные арсеналы. В апреле 1861 войска Конфедерации подняли мятеж и захватили форты и арсеналы на Юге, где ещё в период президентства Дж. Бьюкенена была сосредоточена основная масса вооружения и боеприпасов. 12 апреля 1861 года войска южан бомбардировали из орудий и захватили форт Самтер, занятый федеральными войсками. Форт-Самтер оказал двухдневное сопротивление, но 14 апреля капитулировал.

В ответ Линкольн объявил о наборе 75-ти тысяч человек в федеральную армию и приказал установить морскую блокаду Юга - это было фактическим объявлением войны.

Англия была заинтересована в максимальном ослаблении опасного конкурента и соперника – промышленных северных штатов. Победа Юга открыла бы перед английской буржуазией неограниченные возможности экономической экспансии, что могло привести Северную Америку к колониальной зависимости от Англии.

В январе 1861 г. русские дипломаты сообщили в Петербург из Вашингтона и Лондона о позиции Англии в случае гражданской войны в Северной Америке. Посланник России в Вашингтоне Э. Стэкль писал, что английский кабинет внимательно следит за внутренними разногласиями в Америке и «ждет

результатов с трудно скрываемым нетерпением». Один из опытнейших русских дипломатов, посол в Лондоне Бруннов, также сообщал в Петербург, что в Англии с нетерпением ждут того момента, когда интересы северных штатов придут к столкновению с интересами Юга и повлекут за собой распад американского союза. «Английское правительство в глубине души желает распада Северной Америки на две республики, чтобы они следили друг за другом и противостояли друг другу». Русский посланник в Соединенных Штатах в апреле 1861 г. уведомил свое правительство, что «Англия воспользуется первым удобным случаем, чтобы признать отделившиеся штаты и Франция последует ее примеру» 17 апреля президент Конфедерации объявил о выдаче документов на право каперства – борьбы против военных и торговых кораблей Соединенных Штатов. Линкольн квалифицировал каперство как пиратство.

В мае правительство Англии объявило о нейтралитете в отношении конфликта Севера и Юга. Тем самым Конфедерация признавалась не мятежной, а воюющей стороной. Английское правительство направило к берегам Америки военные корабли якобы для защиты британского судоходства. Англия внимательно следила за тем, чтобы в результате объявленной Соединенными Штатами блокады Конфедерации не было нанесено ущерба английской торговле с теми штатами, которые поставляли ей хлопок.

В сентябре 1861 г. командование военного корабля Соединенных Штатов «Сан-Джацинто» интернировало с английского торгового судна «Трент» эмигрантов рабовладельцев. Этот эпизод вызвал крики возмущения в Англии и во Франции. Правая печать призывала английское и французское правительства объявить войну Соединенным Штатам. Английский министр иностранных дел Россель потребовал выдачи рабовладельческих эмигрантов в семидневный срок. В Канаду были направлены английские войска. В то же время Англия ускоренными темпами строила военные корабли для Конфедерации. Агенты южан развернули активную деятельность в Англии. Задачу сильно осложняло упорное противодействие со стороны дипломатов северян, равно как и нейтралитет, провозглашенный Великобританией. Согласно английскому закону о нейтралитете 1819 считалось преступлением предоставлять воюющим вооруженные корабли, но разрешалось строить для них или продавать им невооруженные корабли. Поэтому европейский морской агент южан Беллок сделал заказ на постройку на английских верфях невооруженных кораблей, которые покидали английские порты под английским флагом и без оружия. Вслед за кораблями посылались вооружение и экипаж, передававшиеся южанам на каком-либо острове в пределах и даже за пределами английской юрисдикции. Так в частности были построены каперский крейсер "Флорида", уничтоживший потом 40 кораблей северян, и крейсер "Алабама", уничтоживший 57 судов. За время войны корабли, построенные в Англии, захватили около 300 североамериканских судов.

Летом 1863 г. он приехал в Бордо на верфь братьев Арман, где успешно заключил контракт на постройку двух мореходных броненосных таранов. Корабли получили имена Cheops и Sphinx дабы скрыть истинного заказчика. В сентябре 1863 года о кораблях стало известно послу США, который немедленно начал оказывать на Францию дипломатическое давление, требуя последовать примеру Великобритании и запретить постройку кораблей для южан. К тому моменту южане уже перешли к обороне, проиграв в июле 1863 года битву при Геттисберге, что сильно пошатнуло их политический статус в Европе. Французский император Наполеон III, не желавший поддерживать проигравших, уведомил Армана о том, что корабли не имеют права покинуть Францию и не могут быть переданы конфедератам. Разрешалось лишь продать их владельцам, легитимным с точки зрения императора. В итоге Cheops был продан Дании, а Sphinx — Пруссии за 620 900 талеров или 1 863 марки. Датчане, впрочем, продали Cheops конфедератам, где он получил имя CSS Stonewall, впоследствии ставший первым броненосцем Японии.

В конце октября 1861 г. Великобритания, Франция и Испания подписали в Лондоне соглашение о совместной интервенции в Мексике. Вскоре в ней высадились испанские войска, а в январе 1862 г. – войска Англии и Франции.

В Конвенции трех держав сообщалось, что они в целях координации своего общего выступления, т. е. проведения интервенции, договорились о посылке к берегам Мексики соединенных сухопутных и морских сил, численность которых будет определена последующими соглашениями. Стороны обещали не искать для себя никаких территориальных приобретений и никаких особых преимуществ и не оказывать на внутренние дела Мексики никакого влияния, могущего нанести ущерб праву мексиканского народа избрать и свободно определить форму своего правления. Учреждалась комиссия, в которую входили по одному представителю от каждой из сторон, для распределения сумм, «которые будут взысканы с мексиканского правительства». Предусматривалось направить текст Конвенции

правительству Соединенных Штатов, которые по своему желанию могли присоединиться к ней. В связи с намерением посадить на мексиканский престол австрийского эрцгерцога Максимилиана последовала немедленная реакция Соединенных Штатов. В депеше посланнику США в Лондоне Адамсу государственный секретарь писал, что демонстрации вооруженных сил Испании, Франции и Британии против Мексики приведут в конце концов к установлению монархического образа правления и корона будет возложена на какого-либо иностранного принца. Он просил посланника выразить союзникам мнение президента о том, что монархическое правление, созданное в Мексике при наличии иностранного военного вмешательства, не будет иметь никаких перспектив в отношении прочности и возможности длительного существования. И новое правительство будет обречено на быстрое падение.

Наполеон III, принимая эмиссаров-южан, выражал им поддержку, что было неким знаком признания Конфедерации как самостоятельной страны, но от официального признания воздерживался. Он давал понять, что Франция одна, без Англии, у которой сильный флот, не сможет признать Конфедерацию и объявить войну северным штатам.

30 октября 1862 г. французский министр иностранных дел Друен де Люис депешей поручил послан в Лондоне и Петербурге передать предложение императора правительствам Британии и России.

Россия отклонила это предложение. Английское правительство тоже ответило отказом, сославшись при этом на Россию. На его решение оказали влияние внутренние события. Во многих городах страны прошли революционные выступления рабочих. На многочисленных митингах их участники протестовали против поддержки Юга.

«Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана.» (К. Маркс)

Отмена рабства на Севере ухудшила положение Конфедерации.

Горчаков просил русского посланника доводить до сведения всех, что «Американский союз может рассчитывать на самую сердечную симпатию со стороны государя в течение этого серьезного кризиса, который союз ныне переживает». В Петербурге было принято решение послать две эскадры – одну к западному побережью Америки, другую к восточному. В сентябре 1863 г. они подошли к Нью-Йорку и Сан-Франциско с целью повлиять на позицию Англии в отношении России в связи с польскими событиями. При этом, учитывая опыт недавней Крымской войны, когда пришлось потопить запертые в Севастополе корабли черноморского флота, оно считало необходимым заблаговременно вывести две эскадры в открытое море. В инструкции морского министерства России контр-адмиралу С. Лесовскому от 23.7.1863 в связи с отправкой его эскадры в Северную Америку, в частности, говорилось, что по прибытии в Нью-Йорк следует связаться с русским посланником в Вашингтоне и внимательно следить за переговорами России с европейскими державами по польскому вопросу. В случае объявления войны эскадре предписывалось начать действия против неприятельской торговли. Русские корабли оказали определенное давление на военные суда южан. Пребывание русских эскадр в Америке сыграло положительную роль в развитии русско-американских отношений: американцы восприняли его как демонстрацию сочувствия со стороны России правительству США.

Идеология

Джон Кэдвелл Кэлхун, признанный идеолог рабовладельческого Юга, представлял Южную Каролину, штат, который прочно утвердился в качестве политического лидера рабовладельческого Юга именно во второй четверти XIX в., в значительной мере - вследствие воцарения "короля-хлопка".

Признанный мэтр американской исторической науки новейшего времени В.Л. Паррингтон, представитель социально-критического крыла американской исторической мысли, считал Кэлхуна *"поистине незаурядным мыслителем"*, более того, самым сильным политическим умом своей эпохи, безусловно превосходившим интеллектуальными способностями оппонентов из северо-восточных штатов (см. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли, в 3-х т., М., 1962).

Другой авторитет новейшей американской историографии, Р. Хофстедтер, родоначальник современной либеральной школы, пошел еще дальше, назвав Кэлхуна "Марксом правящего класса".

Тезисно:

1. Рабовладение является первоосновой экономического развития и благополучия Юга, его социальных отношений и политической организации, отмени его - и тут же случится апокалипсис, рухнет целый мир. Поэтому агитация в пользу ликвидации рабства безрассудна: плохо оно или хорошо, рабовладение должно быть сохранено.

2. Рабство не просто первооснова южного общества, оно является истинным благодеянием как для хозяев, так и для рабов. Только рабство, доказывал он, превратило черных варваров в человеческие существа: сравните американских негров с африканскими и вы увидите, что первые неизмеримо превосходят вторых и морально, и интеллектуально, и физически. А причиной тому является патриархальный характер американского рабовладения, при котором белые хозяева и черные рабы составляют единую дружную семью, при этом белая раса выполняет роль мудрых отцов и учителей, поднимающих своих черных детей и учеников до цивилизованного уровня.

3. Южная рабовладельческая цивилизация стоит неизмеримо выше северной капиталистической, первая воплощает добро, а вторая – зло.

Именно критика капитализма дала повод Р. Хофстедтеру и другим американским историкам назвать его "*Марксом правящего класса*". Человеческая история, рассуждал Кэлхун, еще не знала обществ, где бы не было разделения на классы и где бы один класс не существовал за счет другого. Но наихудшей, самой изощренной и жестокой среди всех является капиталистическая эксплуатация: тенденция развития любого капиталистического общества, в том числе и северных американских штатов, заключалась в постоянном увеличении пропасти между работодателями и рабочими, в росте богатства первых и нищеты вторых. Финалом этого антагонизма могла быть только кровавая гражданская война, победу в которой, пророчил Кэлхун, должен одержать пролетариат, много превосходящий численностью буржуазию.

Таким образом: во-первых, что черные рабы живут в гораздо лучших условиях, нежели наемные белые рабочие, а рабовладельцы являются более гуманными эксплуататорами, чем капиталисты; во-вторых, северо-восточная буржуазия должна направить свою энергию не на разжигание конфликта с рабовладельцами, а, напротив, на объединение усилий с ними перед лицом гораздо более опасного соперника - белого пролетариата.

После смерти Кэлхуна в 1850 г. лидерство в развитии рабовладельческой идеологии перешло к **Джорджу Фицхью**. Капитализм, или свободное общество, характеризовался им неизменно как ничтожный маленький эксперимент истории, ограниченный как во времени, так и в пространстве. Это, по убеждению Фицхью, временное и частное отступление от магистрального пути человечества, который был проложен рабовладельческими цивилизациями Греции и Рима, развит средневековым крепостным правом и продолжен в современных условиях американским рабством. Фицхью не сомневался, что этот магистральный путь будет восстановлен в чистом виде после того, как капитализм окажется развенчан, а рабовладение, куда он включал и европейское крепостничество, освободится от некоторых деформаций.

Фицхью критиковал капитализм преимущественно не на американском, а на английском материале, поскольку, как он подчеркивал, результаты "ничтожно маленького эксперимента истории" проявились наиболее полно в Великобритании.

Вопиющая несправедливость бедствий британского пролетариата, возмущался Фицхью, заключается в том, что именно пролетариат, его труд создают все богатства, всю собственность от начала и до конца, в то время как эксплуатирующий их капитал не создает и единого пенни.

Он не считал возможным отменить эксплуатацию человека человеком, но полагал необходимым выбрать между двумя формами эксплуатации лучшую. И вот здесь-то он отдавал абсолютное предпочтение рабовладельческой эксплуатации перед капиталистической. В условиях господства абсолютной свободы экономических и рыночных связей капиталисты стремились выжать из рабочих весь пот, последние в свою очередь вели беспощадную войну друг против друга, борясь за рабочие места. Все это могло закончиться только одним - полной деградацией, обнищанием и вымиранием пролетариата. Совсем другое дело - рабовладельческая эксплуатация. Она основана на патерналистской заботе рабовладельцев о рабах, стремлении хозяев поддержать и максимально продлить жизнь и работоспособность эксплуатируемых ими пожизненно людей.

Кэлхун призывал объединения рабовладельцев и капиталистов в борьбе с пролетариатом и рабами, а Фицхью вынашивал идею совместного сопротивления рабовладельцев и пролетариата капиталу.

Естественные и неотчуждаемые права людей на свободу и равенство, контраргументировал он, есть химеры, поскольку люди от рождения резко различаются по умственным и интеллектуальным способностям. Примерно 19 из 20 людей обладают естественным и неотчуждаемым правом не на свободу, которой они не могут распорядиться себе на пользу, а на покровительство и управление со стороны власть предержащих, или, иначе говоря, они наделены "естественным и неотчуждаемым правом быть рабами", которое только и обеспечивает им реальную возможность выживания и благополучного существования.

Фицхью отвергал расизм и указывал, что расистская психология никогда не позволит рабовладельцам строить управление на патриархально-семейной основе и относиться к черным рабам как к детям. Он неизменно подчеркивал, что защищает рабство не с расистских, а с социологических позиций, рассматривая его как идеальную модель для человечества в целом, ибо для большинства белой расы свобода губительна в такой же степени, как и для черной.

Кэлхун и Фицхью доказывали, что наемные рабочие по сути те же рабы, но только находящиеся в гораздо худших жизненных условиях. При этом приводились такие аргументы: в отличие от черных рабов белые рабочие не имеют гарантированных источников существования, вынуждены наниматься под угрозой безработицы даже за "голодную" заработную плату; в случае болезни, инвалидности и по наступлении старости все они остаются совершенно без средств существования, в то время как черные рабы, их жены и близкие с момента рождения до смерти надежно защищены отеческой опекой хозяев. Указывалось также, что среди рабов, в отличие от наемных рабочих, нет бездомных, нищих, бродяг.

Доводы в защиту американского института рабства:

1. Ссылались на Библию: якобы на страницах Ветхого Завета сплошь и рядом приводятся доказательства того, что богоизбранный народ держал рабов; апостол Павел призывал слуг повиноваться их хозяевам, да и сам Иисус нигде не высказывался против рабства. Апофеоз - отказ от библейского догмата о едином источнике происхождения

человечества и принятие ту идеи, что негры среди прочих низших существ были сотворены раньше "белокожих" Адама и Евы.

2. Указывали на якобы природное неравенство чернокожих перед лицом представителей белой расы. Самюэль Картрайт - председатель медицинской ассоциации штата Луизиана, создатель "новой" антропологической школы. Он утверждал, что вещество, определяющее цвет кожи негров, утверждал Картрайт, содержится также в их мозгу, нервной системе, мышечной ткани. Оно детерминирует все поведение чернокожих, в том числе их специфические болезни, к которым Картрайт относил, в частности, "мошенничество" и "склонность к побегам".

3. Ссылались на существование подобного института в почтенных сообществах Древней Греции и Древнего Рима

4. Утверждали, что белая раса оказала им неоценимую услугу: в противном случае те так и прозябали бы в дикости – без полезных навыков, без цивилизованных манер и, главное, без христианской веры. Проследите за историей Африки, восклицал писатель У. Симмс, и вы убедитесь, что, будучи предоставленными сами себе, черные варвары были обречены на один-единственный выбор: или поедать своих собратьев, или быть съеденными! Рабство, утверждал он, оказалось единственным способом спасения для неполноценной черной расы: будучи вывезенными в Америку и оказавшись под опекой цивилизованной белой расы, дикие африканские негры были "одомашнены", стали все больше подражать своим хозяевам, превращаться в некие подобия человеческих существ.

Чувствительный удар по рабовладельческому мифу о господстве в южных штатах "земли обетованной" для черных невольников был нанесен в 1852 г. книгой Гарриет-Бичер Стоу "Хижина дяди Тома". Опасность ее была в полной мере осознана защитниками рабства, тут же предпринявшими мощную контратаку. Только в 1853-1854 гг. на Юге появилось 14 контрпропагандистских романов, ставивших целью ниспровергнуть книгу Стоу. Их названия говорят сами за себя: "Хижина тетушки Фелиции", "Дядюшка Робин в своей хижине в Виргинии и Том без хижины в Бостоне", "Хижина и особняк, или рабы и хозяева", "Южная жизнь как она есть" и т.д.

Дело Гарриет-Бичер Стоу продолжила Харпер Ли в «Убить пересмешника».

С развитием генетики появились «теории», объявляющие чернокожих ущербными уже генетически. После перестройки «теории» перекочевали в Россию, их приверженцы ссылаются на то, что черная раса не дала миру гениев.

После победы Севера за годы Реконструкции Юга число учащихся-негров увеличилось в 500 раз с лишним по сравнению с 1860 г. и к концу Реконструкции достигло 500 тыс. человек. Это, между прочим, о прирожденной расе рабов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

История европейского освоения территории между Аппалачскими горами на Востоке, Скалистыми горами на Западе, нынешней Канадой на Севере и Мексикой на Юге началась в 1682 году. Тогда французский путешественник Рене Робер де Лассаль объявил, что он передает эту землю под корону Людовика XIV и нарекает ее Луизианой. Французы не спешили осваивать новую провинцию, только в 1712 туда был направлен человек по имени Антуан де Ламот Кадиллак, и которого принято считать первым французским губернатором Луизианы. Подавляющее число французских колонистов Луизианы составляли церковники из иезуитского и капуцинского орденов. В 1718 году Жан-Баптист де

Бенвиль в устье Миссисипи основал город, который был назван Новым Орлеаном, в честь герцога Орлеанского. Город стал столицей французской Луизианы и достаточно быстро вырос – с 300 жителей в 1722 году до 1000 в 1728-м.

Франция владела Луизианой до 1763 года, пока король Людовик XV не подарил ее молодому испанскому королю Карлу III, в виде компенсации за потери в общей войне против Англии. Карл подарок принял, но так неохотно, что даже забыл послать в Луизиану гарнизон. И там еще два года правила французская администрация.

До 1801 года испанцы правили в Луизиане на удивление добродушно. Американцам было дано право судоходства по Миссисипи и беспоплиного пользования портом Нового Орлеана. Только однажды испанский губернатор попытался было закрыть порт, но тогдашний президент Джордж Вашингтон пригрозил взять Новый Орлеан штурмом. Испания легко сдала позиции и открыла порт. От него зависело благополучие фермеров Огайской долины. Туда они везли вниз по Миссисипи все свои товары: табак, древесину, муку, масло, сыр, мед, воск, медвежьи и бобровые шкуры, олени кожи, фазаны перья. Все это из нового Орлеана шло водой на восточный берег, а оттуда в Европу. Этот путь был намного легче, чем сухопутные тропы через Аппалачи. Именно через Новый Орлеан фермеры западных штатов экспортировали все свои товары из Северной Америки.

В судьбе Луизианы всё изменилось, когда к власти во Франции пришел Наполеон. Он вынашивал планы по воссозданию французской колониальной империи и решил начать с возвращения себе американской провинции. Король Испании Карл IV устранился от решения этой проблемы и переговоры с посланниками Наполеона 30 сентября 1801 года вела его жена, Мария Луиза. Наполеон обещал ей в обмен на Луизиану райский уголок в завоеванной им Тоскане. Мария-Луиза не могла опомниться от радости. По указанию королевы, министр иностранных дел Мариано Уркихо подписал, так называемое, секретное соглашение Сан-Идельфонсо, в соответствии с которым Испания возвращала Франции Луизиану, а Тоскана, получившая теперь наименование королевства Этрурия, передавалась инфанту Пармскому.

Таким образом, Луизиана снова стала собственностью Франции. 21 марта 1801 года уступка Луизианы была подтверждена окончательным договором, подписанным в ответ на требование Наполеона ускорить оформление передачи Луизианы. Педро Севальес, сменивший Уркихо на посту министра иностранных дел Испании, стал настаивать, чтобы первый консул дал обещание «не продавать или отчуждать каким-либо образом собственность и права владения этой провинцией». 22 июля 1802 года французский посол в Мадриде от имени Наполеона торжественно заверил испанского короля, в том, что «Франция никогда никому не передаст Луизиану».^[7]

Хотя переговоры о Луизиане проходили в обстановке строгой секретности, весной 1801 года слухи о них достигли Соединенных Штатов. Осенью эти слухи подтвердились, когда Руфус Кинг, американский посланник в Лондоне, прислал в США копию франко-испанского соглашения об уступке Луизианы. Планы Наполеона распространить французское господство на Североамериканском континенте вызвали озабоченность государственных деятелей США. Они прекрасно понимали, что, пока Луизиана принадлежит Испании, эта малонаселенная колония не представляет непосредственной опасности для Соединенных Штатов. Иное дело, если Луизиана перейдет под власть Англии или Франции. 15 декабря 1802 года, обращаясь со вторым ежегодным посланием к конгрессу, американский президент Томас Джефферсон заявил: «Уступка Испанией своей провинции Луизианы Франции, которая имела место в ходе последней войны... приведет к изменению характера наших международных отношений».

Паника охватила не только Америку, но и испанские власти Луизианы. Испанский губернатор вдруг снова отнял дарованное американцам право пользоваться портовыми складами Нового Орлеана. Фермеры и охотники оказались в такой тяжелой ситуации, что одни были готовы брать Новый Орлеан штурмом, а другие переходить в иностранное подданство. Тогда Джефферсону пришел в голову довольно необычный способ улаживания территориальных конфликтов. Он решил купить Новый Орлеан.

1 мая 1802 года государственный секретарь Джеймс Мэдисон дал указание американскому посланнику в Париже Роберту Ливингстону начать переговоры с французским правительством о покупке Нового Орлеана и Флорид. Однако известия, поступавшие в Вашингтон из Парижа, не обнадеживали. В сентябре Ливингстон сообщил о твердом намерении Франции овладеть Новым Орлеаном. Предложения США были названы министром иностранных дел Франции Шарлем-Морисом Талейраном «преждевременными».

Между тем, сразу после заключения перемирия с Англией 1 октября 1801 года Наполеон энергично взялся за осуществление намеченных колониальных планов. Первоочередной задачей он считал восстановление господства Франции на островах Вест-Индии — Мартинике, Гваделупе и, прежде всего, в Сан-Доминго (о-в Гаити), некогда своей самой богатой заморской колонии. Этот остров должен был стать французской сахарной плантацией в Карибском море и приносить Франции треть ее колониальных доходов. Но со временем французской революции и под непосредственным ее влиянием в Сан-Доминго произошли события, коренным образом изменившие положение на острове. И 1791 году там развернулась война против колониального гнета и рабства. В ходе ее выдвинулся как вождь восставших Туссен Лувертьюр. В июле 1801 года была провозглашена конституция, которая подтвердила отмену рабства и объявила равноправие всех граждан перед законом. Туссен Лувертьюр стал пожизненным правителем острова, который продолжал оставаться частью французского государства, но со своими законами, делавшими, но существу, колонию независимой от метрополии.

Наполеон планировал посадить на Гаити своего зятя и отправил туда экспедиционный корпус. Войска Наполеона ехали как на прогулку, однако черные жители острова сражались, как бешеные. Они разрушили дороги и отравили колодцы. Очевидно поэтому, среди французов началась эпидемия желтой лихорадки - желтухи. И через год этой болезнью и войной был уничтожен весь корпус, все 20 000 человек. Впервые, именно на Гаити, наполеоновские войска потерпели поражение.

В напряженной обстановке, вызванной закрытием порта Новый Орлеан Джефферсон назначил способного дипломата Джеймса Монро, бывшего губернатора Виргинии, чрезвычайным и полномочным министром во Францию и Испанию. Монро вместе с Ливингстоном должен был добиваться от французского правительства уступки Соединенным Штатам Нового Орлеана, Западной и Восточной Флориды. Назначение Монро, пользовавшегося влиянием на Западе, преследовало цель успокоить поселенцев и продемонстрировать, что Правительство не намерено мириться с создавшим положением. 3 февраля 1803 года Джефферсон, сообщая Ливингстону о миссии Монро и Париж, подчеркивал: «Мы должны знать, сможем ли мы приобрести Новый Орлеан или нет... Будущая судьба нашей страны зависит от результатов этих переговоров».

К началу 1803 года напряженность между Англией и Францией возросла. Стало ясно, что между ними неизбежна новая война. Трезво оценивая положение, Наполеон приходит к выводу, что после потери Сан-Доминго и ввиду предстоящей затяжной борьбы с Англией его планы колониальной экспансии в западном полушарии обречены на неудачу. Не располагая флотом, Франция не сможет удержать Луизиану, которая станет легкой добычей Англии. С переходом Нового Орлеана к Соединенным Штатам территория, прилегающая к Миссисипи, теряла свою ценность. Эти обстоятельства привели Наполеона к окончательному решению о продаже всей Луизианы США. Кроме того, Франция могла таким образом не только получить деньги, столь необходимые ей для предстоящей войны, но и заручиться благожелательным нейтралитетом заокеанской республики.

10 апреля 1803 г. Наполеон сообщил о своем намерении продать Луизиану Соединенным Штатам. Уполномочив министра казначейства Франсуа Барбе-Марбуа вести переговоры с американскими представителями, первый консул заявил: «Я отказываюсь от Луизианы. Я уступаю не только Новый Орлеан, но и всю колонию». 11 апреля Талейран уведомил Ливингстона о решении Наполеона.

Наполеону больше не нужна была Луизиана, ему нужны были деньги, как можно больше денег. И он запросил 22 с половиной миллиона долларов. Абсолютно не ожидавшие такого поворота дел, американские дипломаты возразили, что речь шла только о продаже Нового Орлеана за 8 миллионов. После этого Наполеон замолчал, подкинув дипломатам намек на то, что он вообще может передумать. Оба дипломата решили не сдавать позиций. Наполеон молчал несколько недель. 27 апреля Барбе-Марбуа явился в американское посольство и объявил, что Наполеон снизил цену до 16 миллионов. При следующей встрече американцы предложили 12 миллионов долларов. Сошлись на 15-ти.

После этого оба американских дипломата потеряли сон. Они собственной волей, без консультации с президентом, который был слишком далеко, подписали сделку на такую огромную сумму, которой у США заведомо не было. Они не были уверены, ратифицирует ли ее Конгресс, они не были уверены, дадут ли банки займ. Конечно, они не догадывались, что много лет спустя, их покупку будут называть самой выгодной сделкой в истории Америки. Поставив свою подпись под договором, Ливингстон заявил: «Мы прожили долгую жизнь, но это — самое замечательное достижение всей нашей жизни... С этого дня Соединенные Штаты занимают свое место среди первых держав мира».

Это была самая большая и самая выгодная сделка по покупке недвижимости в истории. 2 миллиона 400 тысяч квадратных километров было куплено за 15 миллионов долларов. То есть по три цента за акр. Постепенно на купленной территории разместилось 15 штатов: Монтана, Северная и

Южная Дакота, Миннесота, Вайоминг, Небраска, Айова, Колорадо, Канзас и Арканзас, Миссури, Оклахома, Нью-Мексико, Техас и нынешняя Луизиана.

Заключая договор с США об уступке Луизианы, французское правительство даже не сочло нужным уведомить об этом мадридский двор и грубо нарушило торжественное обещание, данное им испанскому правительству, никогда и никому не передавать колонию. Однако Мадрид и то время оказался бессилён предпринять действенные меры. Ноты протеста испанского правительства Наполеон оставил без внимания. Аналогичные ноты были отправлены и в США. Осенью 1803 года испанский посланник в Вашингтоне выразил протест американскому правительству, разъяснив, что Франция не имела права передавать кому-либо колонию. Но эти заявления ни к чему не привели, и испанскому дипломату было указано, что Соединенные Штаты не имеют отношения к «частным вопросам, касающимся Франции и Испании, которые они должны сами уладить между собой».

4 июля 1803 года американское правительство оповестило о подписании и Париже договора о Луизиане испанского губернатора этой провинции Мануэля Сальседо и маркиза Каса Кальво, назначенного для передачи колонии французскому представителю. Дело в том, что Наполеон продал американцам Луизиану до того, как Франция вступила во владение ею, поэтому формально требовалось, чтобы испанские уполномоченные сначала передали Луизиану французским властям. 30 ноября 1803 года французский префект Пьер Лосса вступил во владение Луизианой. Требования губернатора Сальседо установить границы уступленной Испанией территории были отвергнуты французским префектом, заявившим, что он не уполномочен заниматься «демаркацией границ».

Наконец, 20 декабря 1804 года на состоявшейся в Новом Орлеане церемонии Лосса, который «управлял» колонией всего три недели, передал Луизиану губернатору Территории Миссисипи Уильяму Клейборну и командующему американской армией на Западе Джеймсу Уилкинсону, и тот же день в Вашингтон было отправлено радостное сообщение о подписании акта передачи Луизианы Соединенным Штатам.

Цитаты:

Здесь цитируется Луцков Н. Д. Присоединение Луизианы к США // Американский экспансионизм: Новое время. М., 1985. С. 9-28.

В 1762—1803 годах Французскую Луизиану (правобережье) контролировала Испания, левобережье аннексировали Великобритания, а затем США, которые выкупили и правый берег в 1803 году, Е.В.К.